

поразительное чувство немецкого языка, но и погружение в ту его мистическую составляющую, которую Александр Блок назвал пугающе и прозорливо: "Сумрачный германский гений".

Вспомним и переиначим другого поэта – Михаила Светлова:

– Откуда, Марьяна, немецкая грусть?

Почему шестнадцатилетняя одесская девочка вдруг решила доверить подспудные, самые потаенные чувства именно этому языку?

– Раньше я об этом не задумывалась. Объясняла и себе, и другим (и это было правдой): в школе мне легче учить язык, запоминать новые слова, выстраивая их ИМЕННО ТАК, в особом ритме... А сейчас могу сделать и более серьезный вывод. Мне хотелось думать по-иному, и эту возможность давал именно немецкий язык.

Марьяна считает его мужским, в то время как славянские – как бы женские. В этом нет оценки – лишь ощущения... Признается, что свою вторую сущность ей удастся выразить лишь на языке Гете и Шиллера, хотя не называет их любимыми авторами... В немецкую поэзию вовлек ее Пауль Целан – поэт трагической судьбы, о котором у нас мало что известно. Полунемец-полуеврей, уроженец Буковины, он в конце 30-х попал в Германию, где чудом уцелел, но все его близкие погибли в фашистском концлагере. Да и сам Целан не долго прожил после окончания войны... Стихи его – на грани отчаяния и надежды, необыкновенно и лиричны, и искренни.

Немецкие критики отмечают именно исповедальный и чувственный характер поэзии молодой одесситки. "Ее тексты, – пишет Александр Глюк, – иногда – как темный яд, наполненный страстью и мраком..." Редактор журнала "Erosterpost" Курт Вельфенгзедер пишет о "восточном сердце" Марьяны...

А между тем она вовсе не напоминает отвязанную "роковую" поэтессу, обуреваемую страстями. На вид – симпатичная одесская девушка с привычным и обыденным кругом приоритетов. Не только разных "фенечек", но даже джинсов не носит и от этого выглядит не богемно, а и чуть буржуазно. Но вот "эти черные глаза", унаследованные то ли от отца-армянина, то ли от матери-украинки... Впрочем, за поэта говорят стихи – и вы в этом сейчас убедитесь.

На этом снимке – Марьяна и издатель Эрик Мартин, впервые опубликовавший в Германии стихи 16-летней одесситки.

Разговор под землей

Были бы у меня глаза,
я б не закрыла их перед солнцем.

Было бы сердце у меня,
как высоко я бы его кинула!

Мои волосы снова бы пахли!

А мои маком!

А я бы свои расчесала
самой легкой рыбной костью.

Я – невеста.
почему не развеваются мои волосы?

Я родом с моря.
Когда я родилась, матушка смеялась, проклиная смерть,
и десять тысяч кошек города гнали сентябрь прочь,
на бегу разрывая его трепетный плащ.

Сентябрь исчезает каждый раз, когда он появляется.
Он не виноват, что у него трепетный плащ.

Он мне сказал: "В моем кармане достаточно места для тебя,
девчонка. Я заберу тебя как верный слуга,
вырву тебя из лап твоего танца. Навсегда.
Ты только подумай обо мне!"

Сентябрь кладет мне на порог каштаны и дремлющих кошек.
Нетерпеливый знак.

Матушка старится и берет молоко из моих рук.
"Все возвращается", – смеется она сквозь слезы.

Я растолкала дождь.
Я кормила дождь
монетами в открытый рот,
пока он не закричал: "довольно!".
Так ты родился,
ласковый волк.

О, какой ты большой!
Как легки шаги,
которыми ты пришел!
Ляг ко мне!

Мы будем качать колыбель,
в ней задремавшую старость,
старость, стареющую без нас.

Как странно. Ты назвал
падающие звезды
уставшими лебедями.

На ресницах повисло
слабое тельце дождя.
Сорвалось в горячие ладони.

В момент, когда пустой
кувшин лопнул от тоски,
ребенок ребенку протянул
золотое яблоко.

Лейпцигский художник
Михаэль Бломмель
создал графический цикл
по мотивам стихов Марьяны.

Друг

Когда я проснулась, окно было открыто и дождь, закутанный в старые бабушкины шторы, как невеста заглядывал в комнату. Пианино намокло и заблестело, и упрекнуло меня: "Я такое красивое пианино, а ты все еще не умеешь играть!". Дождь глубже шагнул в комнату. Его звук... Я думаю о щедрых монетах, кинутых на стол. Таков дождь в конце мая.

Мужчина сидел в кресле лицом к окну и пил из моей чашки. Дождь капал на него и на его утреннюю газету. Он читал и раскачивал тапочкой из стороны в сторону. Я спросила себя, что если бы я проснулась, и этого мужчины не было бы. Я бы позавтракала, села за стол и стала писать. "Дорогой дневник, сегодня идет дождь". Или что-то подобное.

"Доброе утро", сказала я, и он обернулся. Увидев меня, он еще быстрее закачал тапочкой из стороны в сторону. "Как там экономика?", спросила я. Сразу же он посадил меня к себе на колени и начал рассказывать. Дождь слегка по нам забарабанил. Его тапочка упала на пол, пока он говорил: банкиры... господин А. умер... ты вообще знаешь, что такое инфляция... пошлина, страшная чепуха и т. д. ... Где-то на улице закричали коты. "Ужас", подумала я. "Когда они дерутся, они как сумасшедшие валяются в саду и ломают цветы".

Он все рассказывал и рассказывал. Прихлебывал время от времени из моей чашки и ставил ее обратно на край пианино. Я увидела три седых волоска в его волосах. Я увидела, как дождь отступает и спешит по крышам в другие города, как я в зеркале сижу на коленях мужчины и глажу его по волосам, как дневник мой сам себя безнадежно листает.

Это была злая ночь. Я придумывала тебя, и имя тебе давала: о мой темный сладкий зверь!
В такие ночи палач пробегает под каждым окном, круглый как крик, и собирает бессонных на рыночной площади, и учит всех нас спать. Мы стоим в кругу как сумасшедшие гордые короли. Одежды наши — это гнезда, где ночует ветер, это была злая ночь. Я присоединилась к зевающим улицам и кралась вместе с ними от дома к дому — я присоединилась к беспокойному дыханию ребенка, к следящим материнским глазам, к хрустальной молитве умирающего, к молчанию, в котором я слышала, как ты бормотала старуха любовь...

Авторизованный перевод с немецкого

ПУБЛИКАЦИИ

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
"Радость многолетнего общения"250

Семен ВАЙНБЛАТ
Двадцать пять лет
и "Всего тринадцать месяцев"271
